

Список цитируемых источников

1. Мазиллов В. А. Проблемы подготовки психолога в современной высшей школе // Человеческий фактор: Социальный психолог. Вып. 2 (24). 2012. С. 35—42.
2. Мазиллов В. А., Слепко Ю. Н. Учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «История психологии» для студентов направления «Психология» (квалификация — бакалавр психологии). Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. 250 с.
3. Мазиллов В. А., Слепко Ю. Н. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Методологические основы психологии» для студентов направления «Психология» (квалификация — бакалавр психологии). Ярославль : МАПН, 2012. 112 с.
4. Мазиллов В. А., Слепко Ю. Н.: 1) Учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «История психологии» для студентов направления «Психология» (квалификация — бакалавр психологии) ; 2) Учебно-методический комплекс по дисциплине «Методологические основы психологии» для студентов направления «Психология» (квалификация — бакалавр психологии).

Материал поступил в редколлегию 20.08.2016

УДК 159.9+2

Е. Л. Малиновский

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск

ПЕРСОНОЛОГИЯ ЛЮБВИ В ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

В статье осуществляется постановка проблемы и верификация способа вооружения студентов финальным знанием любви как «совокупности совершенства» через триангуляцию неявных нарративов науки, искусства и религии. Персонологический дискурс организует абдукцию текста, открывающего имя Отца в качестве единицы события обучающего и обучаемого.

Ключевые слова: абдукция, вложенность, любовь, наррация, ономастика, сингулярность, текст, теопсихологический дискурс, триангуляция, фрейм.

Введение

Персонологическая проблематика любви актуальна для университетского образования в той мере, в какой личность студента продуктивна в правовом выборе другой личности. Психологическое

образование в силах определить общие закономерности онтогенеза. Однако линия поведения индивида не только попадает под влияние идеологий и субкультур, упреждающих личностный выбор, но, как правило, находится в зоне аттракции соблазна. И хотя «по причине умножения беззакония во многих охладает любовь» [1], известно, что «когда умножился грех, стала премного изобиловать благодать» [2]. Пока любовь как «совокупность совершенства» [3] не элиминирована из общественного сознания, личность обучающего и обучаемого непременно уверена в том, что «нет больше той любви, как если кто душу свою заложит за друзей своих» [4].

С дружбы со словом начинается образование, создающее «зону ближайшего развития» (Л. С. Выготский) для «младенца мужского пола» [5]. Это означает, что в своей актуальности слово «личность» уже вложено в подобие первозданно господствующего образа: «Мужчину и женщину, сотворил их» [6].

Образование личности представляет собой процесс становления младенца мужского пола по образу и подобию любящего Отца. Отсюда этимология: сгинуть — значит утратить образ становления. Поэтому образ остаётся неявным, «смутным» [7] для социального отрочества, исполненного комплексом безотцовщины при живом отце. Счастлив «младенец», не увидевший, но знающий Имя Отца, «замурованное в стену языка» [8], как в «стену плача». Показалось, что гуманитарное образование может заключить «новый союз» со старыми фолиантами, исполненными Именем жизни на фоне «стены подбеленной» [9].

Основная часть

Целью нашего исследования является вооружение студентов финальным знанием любви в ходе персонологического дискурса, т. е. такого речевого поведения, при котором субъект встаёт на место именуемого им объекта как своего личного предшественника в части психологических отношений с правом выбора.

Соответственно цели объектом исследования становится отношение любви как особый тип интерперсональных связей в процессе гуманитарного образования.

Основными теоретическими задачами данного этапа исследования были выявление концептуальной линии любви в методоло-

гии отношения и психоаналитическом подходе в исследовании личности; операционализация теопсихологических понятий в плоскости психологии образования; верификация персонологического дискурса как формы обратной связи любви и личности в образовательном диалоге; апробирование фрейма абдукции нарративной триангуляции текста в качестве организующего звена ассоциаций и интенций любви.

Предметом исследования является онтогенетическое становление личности студента и отношение любви в ходе персонологического дискурса.

Гипотеза: персонологический дискурс в условиях культуры, образования и права (религии) обладает диаспорическим, равномерно распределённым форматом организации речевого поведения, образуя устойчивые межпредметные связи для поддержания идентичности образа мужчины и женщины в подобиИ Имени любящего Отца.

Значение термина “discours” как повествования (narrative) Э. Бенвенист противопоставлял понятию “*éctit*” как речи безотносительно к говорящему. Если безотносительно, то, скорее всего, и бессознательно, ибо только диалогическое повествование может быть исполнено осознанием любви как цели существования.

В силу своей бинарной (субъект-объектной) многомерности онтогенез любви, по определению, остаётся открытым для психодинамического направления науки и методологии отношения.

Разрабатываемая такими авторами, как М. Аргайл, А. А. Бодалев, Л. И. Божович, А. В. Брушлинский, Л. С. Выготский, В. П. Зинченко, Я. Л. Коломинский, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, В. Н. Мясищев, М. К. Мамардашвили, Н. Н. Обозов, Л. А. Пергаменщик, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков, В. А. Янчук, категория «отношение» ассоциируется с целостным человеком. Под персонологией отношений Г. Оллпорт понимает «диспозиции свободы и ответственности». Ответственность «соприсутствия духовного сущего другому сущему» В. Франкл квалифицирует как интенциональность или «жизнь души в предметном бытии» [10, с. 16]. Очевидно, что персонологический источник взаимоотношений не возникает сам по себе, но развивается по мере представления. «Любой психический феномен, — свидетельствует Ф. Brentano, — содержит в себе нечто в качестве объекта. В представлении нечто пред-

ставляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви — любится, в ненависти — ненавидится» [11, с. 33].

Схему рассеянных представлений бессознательного объекта *libido* в психике содержит классический и структурный психоанализ, теория объектных отношений. Согласно З. Фрейду, сексуальное влечение является вложенным инкорпорированием (*Verkörperung*) «желания жить» [12, с. 54]. Если психически детерминированная природа интенциональна истинному телу (лат. *verum corpus*), то онтогенез индивида торит индивидуальный путь (нем. *Bahnung*) к личности, «вложенной» (греч. *Kolpon*) в «недра» [13, с. 322].

Гипотеза вложенности вполне сочетается с апокалиптическим «младенцем» и представлением З. Фрейда о религиозном счастье: «Наш Бог Логос, голос которого тихий на фоне других богов, но он удовлетворит из наших потребностей то, что позволит ему находящаяся вне нас природа, но не сразу, а постепенно и для будущих детей человечества» [14]. Таким образом, психоанализ служит диалектическим методом дознания того, что происходит с личностью в процессе возврата универсальности, прозрачности сознания на фоне диагностики речевых нарушений. Принадлежащая Ж. Маритену персонология «примирения науки и мудрости», по существу, является тем, чем ни одна из форм сознания отдельно собой не представляет: счастьем отношения личности к личности с заключённым в них томлением и восхищением Слова [15].

Путь идентификации любви открывает человеку его личностную ценность для другого в психологии, ставшей научной репрезентацией достижения счастья через любовь к ближним. Оказывается, счастье — это религия любви, при которой каждый становится частью Другого [16].

При объяснении интересубъектного отношения любви Э. Гуссерль рассматривал эмпатию как интенциональную структуру, включающую в себя преданную чувственность и специфическую апперцепцию. По его мнению, не может быть непосредственного, гомогенного опыта Другого вне деятельности сознания. Следовательно, феноменология всегда вторична, добывается за счёт интенциональной или герменевтической интерпретации текста. В этих случаях роль тела выполняют ценностные вещи как носители значения.

Логос — это ценностное тело влюблённой личности, которая видит Другую личность и доверяет ей диалог. Но диалог может состояться только при наличии фрейма (англ. frame рамка), как инъективного текста, не только организующего мысли субъекта в рамках культурно-научной парадигмы, но делающегося остоном его продуктивности. Диалогически произвольный «фрейм структурирует и инкорпорирует ключевую информацию, подверженную извне верификации типичными обстоятельствами и каузальными схемами, событиями, здравым смыслом» [17, с. 208].

Если воля и отношение счастья есть означаемая интенция любви, то фрейм диалоговых отношений осуществляет в рассеянной игре бессознательного распределённое внимание означющих регистров: Воображаемого, Символического, Реального [18].

По правилам структурной лингвистики Ф. Соссюра, лингвистический знак представлен двусторонним, принципиально диалоговым психическим элементом S/s . В нём s (означаемое понятие) и S (означающий акустический образ бессознательного) вместе образуют нарративную сцепленность структуры S/s как сингулярного центра, невидимого ядра фрейма. Например, Discourse la Methode Р. Декарта представлен нулевой точкой, за которой есть означаемое понятие Несомненного s в гипотетической дедукции *dubito ergo cogito, ergo sum*. Коллаж координатных функций на S -топику, означающих понятие “id-ego-suprerego”, схватывает, стягивает (abduct) презумпцию «онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризма» [19, с. 545] в генерации S/s единичного (англ. single) сказания себя самого.

В персонологии дискурс проводит вложенность, вдохновенность личностного смысла в прозрачное, универсальное значение слова, которое «стало мной там, где было id». Гипотетическая расстановка конативных проекций типа «иду—верю» в ортогональном секторе xu системы координат адекватна «реальному» ходу вещей интенции «хочу—люблю» при $-x(-y)$ инкоординировании.

Если Лакановское кольцо «воображаемое» живо ассоциирует проекции «знаю—мечтаю—интересуюсь» с больной «нехваткой бытия» в секторе $-xu$, то «символическое» в эстетике «приятно—желаю—могу» удивит интроекцией влечения и страха в секторе $x(-y)$. Инъективный гомеоморфизм или вбрасывание фрейма полу-

чает статус верифицированного только тогда, когда сингулярный центр субъектного осознания $(-xy)$, индивидуальных диспозиций $x(-y)$, природной предпосылки $(-x(-y))$ и поведенческого выбора xy стянут (abduct) нарративным фокусом ψ на пересечении XYZ координат науки, искусства и права (в зазеркалье, религии).

Взаимное соответствие смыслов и значений определяет фокальную и рельефную топику «Я» системы, при которой триангуляционный фокус сопряжён пересечением оси независимой направленности (applicata) с зависимой переменной мотивации (abscissa) и постоянной упорядочности (ordinatus) диспозиций. Пересечение личностных смыслов фокусируется «пламенеющим» (лат. focus очаг) образом «Я». При рассеивании образа возникает седло-фокус (saddle focus) — особая точка бессознательного, в которой векторное поле равно нулю [20, с. 43]. Обозначенным вербальным представлениям могут оказаться адекватными пиктограммы, выведенные из точки «Я» в центре системы, «диагонали» мысли в предполагаемом секторе $-xy$; комплиментарного соединённых «полусфер» желания в секторе $x(-y)$, надстройка или подстройка «горизонтالي» существования в секторе $-x(-y)$, разомкнутая «окружность» цели жизни в невербальной плоскости «фантика».

Здесь Эдипово желание или комплекс «Я» может фигурировать, например, с помощью визуального «колоса», т. е. класса, или акустического голоса (тест на «Шибболет» у З. Фрейда). Тембральной и динамической символике голоса принадлежит инъектирующая, «забрасывающая» функция в предъявлении проектов, гомеоморфных «времени существования» (М. Хайдеггер). В них формула сингулярности S/s описывает топику «бессознательного, структурированного как язык» [21]. Сингулярный центр фрейма при X и Y , равных нулю, требует открытия означаемого через главное, по Лакану, подразумевающее Имя Отца, остающееся религиозной тайной, несмотря на свою открытость для науки [22]. Образовательный субъект считает, что делать это как бы не совсем прилично в реалиях сакрального агностицизма. Но древний миф о Психее и ныне остаётся дерзновенным в разоблачении Эрота как десакрализации божества в целях его гипотетической персонификации.

Триангуляция многочисленных (порядка шести тысяч) нарративов студентов и прихожан, собранных за долгие годы работы в семи белорусских университетах, Катехетическом колледже имени З. Лозинского, Минской духовной семинарии и на приходе Кирилла и Мефодия в Барановичах Брестской области, отражает весьма редкие инъекции «заброшенности» на весьма распространённом фоне сюръективных (лат. *sur na, nad и jactio бросаю*) проекций, при которых отображение множества на множестве характеризует некий авторитарный элемент этого множества, принимающий на себя всевозможные социальные функции.

Опыт теопсихологического консультирования на приходе и в Катехетическом колледже предоставляет материал, по которому переживание сексуальной девиации довольно плотно удерживается интолерантностью к неопределённости (по шкале Д. МакЛейна, 1993) на латентной фазе развития и коррелирует с показателями внешнего локуса контроля супругов, отмеченных тенденциями к сексуальному фетишизму или предпочтениям. Аббревиатура БДСМ-практик (бондаж, доминирование, субмиссия, садизм и мазохизм) по определению включала сюръективизм высказываний партнёров, избегающих необходимости соответствовать нормам, задавая себе возможность дополнительного возбуждения в аффективной сфере «избранного», значит, сектантского поведения.

Личностной катастрофы удаётся избежать посредством *metanoia* — смены ума на фазе латентного научения, показательного при обсуждении студентами притчи о блудном сыне [23]. Дискурс касался момента сыновнего покаяния, возможного только при наличии Отческой любви. Особенно актуальной фигура Отца становится на фоне материнской социализирующей протекции любви как «плодотворной восприимчивости», сопровождаемой, по Э. Фромму, терпением и ригидностью. Если в притче о Блудном сыне фигура матери вообще отсутствует, то в истории с поиском 12-летнего Отрока в храме и «матери, ждавшей его вне дома», происходит перераспределение воспитательных полномочий вначале на «учителей, которых слушал Иисус и спрашивал их» [24], затем на «учеников, исполняющих волю Отца» и ставших для Него «братом и сестрой, и матерью» [25].

Мужественная любовь в инъективных высказываниях характеризуется, по Э. Фромму, вмешательством, проникновением, активностью, дисциплиной и авантюризмом [26]. Студентами было отмечено, что авантюра раздачи наследства Блудному сыну, на которую смог пойти лишь любящий, значит, рискованный отец, связана со смертельными перипетиями и скачками. В то же время женственный авантюризм Ревекки направлен на утверждение новой социально-психологической справедливости относительно первородства, которое теперь должно принадлежать не «Красному» мяснику Исаву, но кроткому книжнику Иакову, имя которого означает «Приобретение хитростью» [27]. Если иным, не плотским образом вложен выбор преподобного первородства, то осуществление намерения «двое будут в плоть одну» [28] становится возможным лишь за счёт жертвенной любви к миру «Единородного Бога, сущего во влагище отца», растолкованного Им через своё собственное Имя [29]. Дело в том, что Иисус (ивр. Ягве — «спасает») является абдукцией имени Ягве, что означает «Быть. Становиться».

Сопrotивление сингулярной ономастике столь велико, что в конспектах духовной семинарии имя Иисус обезличивается до официальной трактовки «Бог спасает». Ономатология имени была продемонстрирована в аудитории на студенте, изобразившем геометрическую фигуру креста. Во время проговаривания собственного имени испытуемый уверенно удерживал горизонтальную позицию рук под давлением сверху. Как только он сменил проговаривание собственного имени на чужое, экспериментатор легко сокрушил позицию. Но сила рычага рук снова вернулась произносящемуся божественному Имени. Корреляция достоверна для 99,9% респондентов репрезентативной выборки.

На очередном семинаре объектом «усыновления» (лат. *adoptio*) стал Антон, некогда не знавший значения собственного имени (лат. *Antonius* приобретение взамен), зато ныне оправдавший его ассертивным подвигом. Защитив в метро честь незнакомой девушки перед бандой, ценой потери правого глаза, юноша на суде простил преступников, приобретя взамен физического зрения духовное прозрение. Стоила ли любовь жертвы, ведь незнакомка всего раз навестила в больнице героя? По признанию Антона, стоила, ведь раньше, в подобной же ситуации Эдипово желание спрятаться за

маму перекрыло ассертивный выбор. Ныне его мотивация «могу» исполнилась мужеством, эффективным при кульминации сопротивления, которое, по Лакану, «происходит от невозможности субъекта преуспеть в области реализации своей истины» [30]. Успех Антона стал сингулярным, т. е. таким прогрессирующим моментом, по прошествии которого жизненный путь индивида оказывается недоступным для рационально субъективного объяснения.

Личность так превосходит интеллект, как технология превосходит понимание. Онтогенетическим основанием личности служит индивид, осознающий свою индивидуальность в превосходящем рациональное понимание ассертивном выборе Другой личности.

Заключение

Логическое основание всех независимых переменных любви есть исполнение определения: «не жертвы хочу, а милости, и боговедения более всесожжений» [31]. Образование личностной любви сопровождается инъективными высказываниями студентов, адресующих своё мышление, поведение и образ действий сексуального характера качеству отношений (этических, эстетических, решения проблем, готовности трудиться, умения откладывать удовлетворение на потом, социальной ответственности, заботе о других, воображению брака, вложенного в небеса: «тайна сия велика есть» [32]).

Персоналогический дискурс ставит вопрос не столько о сверхчувственном качестве, сколько об онтогенетическом чувстве Единородного Логоса, совладеющего событием любви. Если потребность в любви не получает достаточного удовлетворения в личности, то человек вынужденно переносит свои надежды на всякий новый авторитет. При анализе гомогенной ситуации перенос выступает в виде «сильнейшего сопротивления», в то время как в личностно дискретном выборе любви он является залогом успеха, при котором «только ценные и уважаемые в нашей реальности лица все ещё могут быть сексуальными объектами для бессознательного в нас» [33]. Что бы ни говорили учёные и поэты о любви, со временем о них забываешь, но никогда не забудешь Автора «Отче наш» и 13-ю главу Первого послания апостола Павла к Коринфянам: «Сегодня я знаю отчасти, завтра познаю подобно, как я познан. Ныне же пребывают сии три: вера, надежда и любовь, но любовь из них больше».

Список цитируемых источников

1. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. Библия. Брюссель : Жизнь с Богом, 1983. 2535 с. ; Янчук В. А. Постмодернистская социокультурная индетерминистская диалогистическая перспектива метода психологического исследования // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, Вып.1. С. 207—226.
2. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. Библия ; Математическая энциклопедия / гл. ред. В. И. Берник. Минск : Технология, 2001. 495 с.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Шукуров Д. Л. Имя Отца в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2012. № 3. Т. 5. Психология. С. 51—59.
9. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. Библия.
10. Галажинский Э. В., Ключко В. Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. 2011. № 4 (68). С. 16—21.
11. Брентано Ф. Избранные работы. М : Дом интеллект, кн., 1996. 528 с.
12. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск : Попури, 2010. 535 с.
13. The Greek New Testament United Bible Societies. Philafelphia : UNITED BIBLE SOCIETIES, 1996. 934 с.
14. Фрейд З. Психоаналитические этюды. С. 351.
15. Маритен Ж. Знание и мудрость. М. : Науч. мир, 1999. 244 с.
16. Зиновьева А. А. Проблема «Другого» в философии М. М. Бахтина // Изв. Тульск. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 1. С. 13—22.
17. Янчук В. А. Постмодернистская социокультурная индетерминистская диалогистическая перспектива метода психологического исследования.
18. Шукуров Д. Л. Имя Отца в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана.
19. Постмодернизм : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск : Интерпрессервис, 2001. 1040 с.
20. Математическая энциклопедия.
21. Шукуров Д. Л. Имя Отца в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана.
22. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. Библия.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Фромм Э. Искусство любви. Минск : Полифакт, 1991. 80 с.
27. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. Библия.
28. Там же.
29. Там же.
30. Маритен Ж. Знание и мудрость. С. 322.
31. Шукуров Д. Л. Имя Отца в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана.
32. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. Библия.
33. Там же.

Материал поступил в редколлегию 04.05.2016